

- linguistics: From static maps to dynamic databases]. Talk given at the Open Scientific Seminar of the Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, 2015.]
- Пиотровский и др. 1977 — Пиотровский Р. Г., Бектаев К. Б., Пиотровская А. А. Математическая лингвистика. М.: Высшая школа, 1977. [Piotrowski R. G., Bektaev K. B., Piotrowska A. A. *Matematicheskaya lingvistika* [Mathematical linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola, 1977.]
- Akhmanova et al. 1963 — Akhmanova O. S., Mel'chuk I. A., Frumkina R. M., Paducheva E. V. *Exact methods in linguistic research*. Los Angeles: Univ. of California Press, 1963.
- Baayen 2008 — Baayen R. H. *Analyzing linguistic data: A practical introduction to statistics using R*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Bivand 2016 — Bivand R. *CRAN task view: Analysis of spatial data*. 2016. Available at: <https://cran.r-project.org/web/views/Spatial.html> [25.09.2016].
- Butler 1985 — Butler C. *Statistics in linguistics*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Cantos Gómez 2012 — Cantos Gómez P. *Statistical methods in language and linguistic research*. Oakville: Equinox, 2012.
- CRAN — The Comprehensive R Archive Network. Available at: <https://cran.r-project.org> [25.09.2016].
- Eddington 2015 — Eddington D. *Statistics for linguists: A step-by-step guide for novices*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015.
- Field A. et al. 2012 — Field A. P., Miles J., Field Z. *Discovering statistics using R*. London: SAGE, 2012.
- Gries 2009 — Gries S. T. *Quantitative corpus linguistics with R: A practical introduction*. New York (NY): Routledge, 2009.
- Gries 2010/2013 — Gries S. T. *Statistics for linguistics with R: A practical introduction*. 1st ed. Berlin: De Gruyter Mouton, 2010. 2nd ed. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013.
- Janda 2013 — Janda L. A. (ed.). *Cognitive linguistics: The quantitative turn. The essential reader*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013.
- Jockers 2014 — Jockers M. L. *Text analysis with R for students of literature*. Cham: Springer, 2014.
- Johnson 2008 — Johnson K. *Quantitative methods in linguistics*. Malden (MA): Blackwell, 2008.
- Kenny 1982 — Kenny A. *The computation of style: An introduction to statistics for students of literature and humanities*. Oxford: Pergamon Press, 1982.
- Larson-Hall 2010 — Larson-Hall J. *A guide to doing statistics in second language research using SPSS*. New York: Routledge, 2010.
- Meindl 2011 — Meindl C. *Methodik für Linguisten: eine Einführung in Statistik und Versuchsplanung*. Tübingen: Narr, 2011.
- R Core Team 2014 — R Core Team. *R: A language and environment for statistical computing*. Vienna: R Foundation for Statistical Computing, 2014. Available at: <http://www.R-project.org/> [24.06.2016].
- Rasinger 2008/2013 — Rasinger M. S. *Quantitative research in linguistics: an introduction*. 1st ed. London: Continuum, 2008. 2nd ed. London: Bloomsbury, 2013.
- Salkind 2014 — Salkind N. J. *Statistics for people who (think they) hate statistics*. 5th ed. Thousand Oaks: SAGE, 2014.
- Urdan 2010 — Urdan T. C. *Statistics in plain English*. 3rd ed. New York: Routledge, 2010.

I. A. Seržant, B. Wiemer (eds.). Contemporary approaches to dialectology: The area of North, North-West Russian and Belarusian dialects. Bergen: University of Bergen, 2014. 401 p. (Slavica Bergensia 13). ISBN 978-82-90249-38-5.

Дмитрий Владимирович Сичинава

Dmitri V. Sitchinava

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, 119019, Российская Федерация;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, 101000,
Российская Федерация; mitrius@gmail.com

Vinogradov Russian Language Institute, Russian
Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian
Federation; National Research University Higher
School of Economics, Moscow, 101000, Russian
Federation; mitrius@gmail.com

Сборник, имеющий параллельное русское название «Современные методы в диалектологии: ареал северных, северозападных (sic) русских и белорусских говоров», вышел под

редакцией работающих в Германии лингвистов Ильи Сержанта (Констанц) и Бьёрна Вимера (Майнц), известных прежде всего как крупные балтисты и типологи. Но он посвящен славистике, а именно диалектам северной части (восточно)славянского мира. С одной стороны, это диалектный континуум, где сохранились некоторые архаизмы, а с другой стороны — зона пограничья с балтийскими и финно-угорскими языками, как синхронного, так и отошедшего уже на уровень субстрата, и соответствующих инноваций. Некоторые вошедшие в книгу работы специально посвящены пограничью балтийских и славянских диалектных зон. Это обстоятельство, вместе с опытом редакторов в балтистике и типологии, определяет подход рецензируемого сборника к славянским диалектным данным: они берутся не сами по себе, а в широком ареальном контексте Северной Европы с учетом новейших теоретических и практических достижений диалектологии.

В основу сборника легли доклады конференции «Северо-западные русские и белорусские диалекты в контексте диалектологии, ареальной лингвистики и типологии», прошедшей 24—25 ноября 2011 г. в Норвежском университетском центре в Петербурге. Всего в книге, помимо вступительной статьи на английском языке, 12 объемных и обстоятельных работ (семь на английском языке, пять на русском), распадающихся на пять разделов: «Современные методы в диалектологии», «Диалектная грамматика I: Перфектные конструкции в северно- и западнорусских диалектах»¹, «Диалектная грамматика II: Другие категории», «Историческая диалектология» (раздел состоит из одной статьи Е. А. Галинской) и «Белорусские диалекты: социолингвистические и диалектологические факторы». Уже по этому плану видно, что особое внимание в сборнике (пять работ) уделено северным перфектным / результативным конструкциям, являющимся популярным сюжетом в целом ряде областей — от традиционной диалектологии до генеративного синтаксиса. Кроме того, в раздел «Другие категории» входит статья С. К. Пожарицкой о северных конструкциях со вспомогательным *был-*, принадлежащих к семантической зоне плюсквамперфекта, а тем самым косвенно и перфекта (именно в этот ряд составители включают северный плюсквамперфект типа *был работал* во введении к сборнику; важно отметить, что у северных перфектных конструкций также есть и плюсквамперфектные корреляты типа *был уехавши* и *у него было уехано*). Итак, перфектно-результативной зоне посвящена фактически половина сборника. Таким образом, особое внимание на рецензируемую книгу должны обратить слависты и типологи, занимающиеся именно этим кластером значений.

Сборник открывается обширной вступительной статьей редакторов **Б. Вимера** и **И. А. Сержанта**. В этой статье история диалектологии в восточнославянских странах (начиная с XIX в.) встраивается в контекст западноевропейских диалектологических идей и методик, а также подробно рассматриваются конкретные грамматические исследования, представляющие интерес в контексте ареальной лингвистики. Подчеркивается, что вплоть до 1990-х гг. диалектология и современная теоретическая лингвистика во всем мире оставались почти взаимно непроницаемыми для влияния — и это при том, что некодифицированные диалекты представляют собой идеальный полигон для проверки тех или иных гипотез об устройстве и свойствах языка. Что касается ареальной стороны вопроса, то сопоставление диалектов (иногда с помощью весьма «продвинутых» методик) редко выходило за рамки диалектных континуумов, отнесенных к одному национальному языку. Таким образом, сохранялись установки времен младограмматиков или даже национального романтизма начала XIX в., при которых диалекты явно или неявно рассматривались *sub specie* «укрупненных» и стандартизованных национальных языков (*roof languages*), или, как говорили в советскую эпоху, «общенародного языка». Сюда же надо отнести и тенденцию собирать и учитывать только ту информацию о диалекте, которая расходится со стандартной нормой (с. 35); совпадение же (которое ничуть не менее информативно, чем отличие) воспринимается как нейтральный фон, а не как полноправный элемент системы. С другой стороны, типологи

¹ В название раздела невольно проскользнула «имперская» терминология: одна из его статей посвящена только белорусским диалектам.

и теоретики тоже строили свои заключения, исходя в основном из стандартных языковых разновидностей и пренебрегая богатейшим диалектным материалом, в своей ценности несколько не отличающимся от не имеющих литературной традиции бесписьменных языков.

В очерке истории «лингвистической географии» восточнославянских языков Сержант и Вимер отмечают, что классический «Опыт диалектологической карты русского языка [=восточнославянских языков] в Европе» Н. Н. Дурново (1915) является одним из ранних достижений ареальной лингвистики, где подробно обсуждаются «смешанные» и «переходные» говоры, причем аналогичных попыток не было ни в романской, ни в германской диалектологии (с. 32). Отметим, что славянская лингвистическая география, безусловно, находилась под влиянием западноевропейской (Ж. Жильерона и других), но в некоторых отношениях и опережала исходные тенденции. При этом сами понятия «переходных» и «смешанных» говоров возникли во многом вопреки первоначальному замыслу Дурново, предполагавшего, что между лингвистически четко выделяемыми диалектами и их группами должны быть и географически четкие границы. Небезынтересен отмеченный авторами факт: предшественниками Дурново в ареальной географии диалектов были представители формирующихся лингвистических традиций других восточноевропейских народов — украинец К. П. Михальчук и белорус Е. Ф. Карский. Вероятно, к названным Сержантом и Вимером именам надо добавить также имя Б. М. Ляпунова, применявшего методы лингвистической географии к праславянскому языку и отрицавшего существование праязыков отдельных ветвей славянства. Что касается украинской и белорусской лингвистики, то в 1920-е гг. над лингвистической географией здесь работали, плодотворно воспринимая новые западные идеи (и полемизируя с Дурново), не раз упоминаемый авторами П. А. Бузук и не упомянутая Е. Б. Курило² (оба эти ученых биографически связаны и с Белоруссией, и с Украиной).

Активно лингвистическая география стала развиваться в послевоенный период — после перерыва, связанного с марризмом и насильственным нарушением преемственности научных идей (в частности, арестом и гибелью как Дурново, так и споривших с ним «националистов» Бузука и Курило). Здесь прежде всего нужно назвать известные масштабные проекты диалектных атласов — «Общеславянский лингвистический атлас» (ОЛА), «Диалектологический атлас русского языка» (ДАРЯ) и «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы»; правда, большинство их карт посвящено прежде всего фонетике (на базе которой выделяются основные диалектные группы), лексике и словообразованию, а не грамматике. Многие явления, в том числе связанные с синтаксисом, несмотря на важные работы В. И. Трубинского (на статьи которого, в частности, [Трубинский 1984], ссылаются практически все авторы сборника, пишущие про северный перфект) и других исследователей (надо особо отметить третий том ДАРЯ, вышедший в 1996 г., и материалы ОЛА), остаются описанными недостаточно. С другой стороны, с особым интересом авторы относятся к работам Н. Н. Пшеничновой, еще в начале 1970-х гг. предложившей статистический подход к диалектным чертам, при котором их структурная и типологическая взаимосвязь исследуется независимо от территориальной приуроченности. Пшеничнова — единственный восточнославянский диалектолог, применивший к диалектным данным статистический аппарат; с его помощью ей удалось обнаружить размытость и нечеткость многих традиционно выделяемых диалектных границ.

Специально обсуждаются проблемы, связанные с диалектами псковско-новгородской зоны, как современными, так и древненовгородским диалектом («в широком смысле», в том числе в контексте контактных балтийских и финно-угорских влияний, а также славянско-балтийского (прежде всего, белорусско-литовского, а также русско-латгальского) пограничья. Авторы отмечают чрезвычайно слабую изученность белорусских диалектов по обе стороны границы, играющих принципиальную роль в исследовании пограничных явлений.

² Об украинских диалектологах начала XX в. (в частности, Михальчуке и Курило) см. [Шевельов 2002] (сборник статей 1950-х гг.).

Наконец, во вступительной статье выделяются ключевые ареальные феномены псковско-новгородской и пограничной славянско-балтийской зон: это цоканье, яканье, некоторые другие фонетические явления, падежный синкретизм датива и инструменталиса (например, *ходила за телятам*), постпозитивная частица-псевдоартикл типа *мужик-от*, диалектный перфект / результатив (*он уехамши / у него уехано*), плюсквамперфект и другие похожие на него конструкции с согласуемым и несогласуемым элементом *был-* и претеритом (*он работал был[о]*), номинативный объект (*вода пить*). Практически все они (кроме постпозитивного псевдоартикла) актуальны и для балтийских и прибалтийско-финских говоров, демонстрируя яркие трансграничные ареальные свойства. Авторы солидаризируются и с гипотезой О. Б. Ткаченко о сказочном зачине *жили-были* как кальке с реконструируемого субстратного финно-угорского (даже конкретнее, «мерянского») «двойного глагола», а не потомке плюсквамперфекта. Однако данная версия (по крайней мере как единственное и главное объяснение) вызывает сомнения ввиду существования такой семантики у древнерусского плюсквамперфекта, отсутствия прямых финно-угорских прототипов и ряда других причин (ср. [Петрухин 2007]), отметим также наличие этой конструкции в белорусских говорах, далеко от возможного ареала контактной славянско-финской зоны [Сичинава 2013: 110—113]. Все это не исключает, правда, и третьей возможности, а именно развития из сериализованной последовательности *жить* и *быть* на славянской почве.

Первый, теоретический, раздел состоит из двух статей. **Б. Смирчань** в краткой заметке «Methods and objectives in contemporary dialectology» рассматривает историю диалектологии от младограмматиков (old-school dialectology) до наших дней, подчеркивая «диалектологический поворот» от компартистики к типологии и от фонетики и лексики к морфологии и синтаксису. В статье обсуждаются три новых метода: корпусная диалектология, диалектометрия (статистический параметрический анализ «расстояния» между диалектами, независимо от упомянутых исследований Пшеничновой развивающийся с 1970-х гг. в Зальцбурге, Гронингене и других научных центрах) и «перцептивная диалектология» (область знаний, посвященная «наивному» восприятию диалектной вариативности самими носителями диалектов).

Статья **Н. Левшиной** «Putting meaning on the map: Integration of geographic and semantic variation in multivariate models of language use» посвящена многофакторному моделированию языка, позволяющему связать языковую (в частности, лексико-семантическую) и географическую вариативность и получить наглядные карты кластеров диалектных черт. Такие модели разрабатываются в рамках лувенской вариационистской школы (Д. Герартс, Д. Спелман и др.). Исследуются различия в сочетаемости лексем в корпусах не только традиционных диалектов, но и национальных вариантов языка (например, нидерландского в Нидерландах и Бельгии, английского в Британии и США, португальского в Португалии и Бразилии).

Уже упомянутый самый большой раздел сборника посвящен диалектным перфектным конструкциям. Статья **С. К. Пожарицкой** «О лингвогеографических параметрах функционирования причастных форм в русских говорах» посвящена ареальной дистрибуции различных перфектных конструкций, недостаточно, к сожалению, описанных в ДАРЯ (туда не входит большая часть Архангельской области, для говоров которой эти формы как раз очень характерны). Выясняется, что конструкция типа *у него уехано* типична для севера великорусской территории, а *он уехамши* — для ее запада. Новгородско-псковская зона и Ленинградская область служат областью пересечения этих ареалов (здесь конструкция с *-ши* тяготеет к непереходным глаголам, а с *-но* — к переходным, ср. статью Чун Хакъюн в рецензируемом сборнике). В вологодской и архангельской зоне (юг области) представлен только первый вариант, а вдоль белорусской границы (Смоленщина и Брянщина) — только второй, причем там он сравнительно редок. При функциональной классификации этих конструкций (субъектный, объектный и посессивный результатив) Пожарицкая опирается на «Типологию результативных конструкций» под редакцией В. П. Недялкова

[1983] и работы В. И. Трубинского [1970; 1984]. Автор останавливается также на нарушениях «идеального» семантического распределения этих форм с «аористической» -л-формой, в частности, на лексикализации (ср. вошедшие в литературный язык лексические единицы *выпи*[в/м]иши, *не е*[в/м]иши, *не спа*[в/м]иши и некоторые другие), на их полисемии (например, агентивное у типа *у мужа* может интерпретироваться и как локативное, и как посессивное). Даются полные списки переходных глаголов, встречающихся в конструкции на *-но* / *-то*, и возвратных глаголов, от которых в некоторых говорах образуются формы на *-нось* / *-тось*. К сожалению, о семантике плюсквамперфектных форм типа *было уехано* / *уехамиши* говорится очень кратко, только в выводах (с. 127).

Статья А. Эркер «Способы выражения прошедшего времени в белорусском смешанном говоре на балто-славянском пограничье» описывает распределение различных форм на пути грамматикализации «результатив — перфект — простое прошедшее» в двух (а не в одном, как может показаться из названия статьи) «простых», «тутэйшых» белорусских говорах из разных областей на границе с Литвой. Эти говоры чрезвычайно интересны тем, что в них представлен и перфект / результатив с вспомогательным глаголом *мець* и активным причастием (*я маю ніпаслаўшы адрас, лашадачку мелі купіўшы мы з ей*). Схожие конструкции известны в литовских и польских («польщизне кресовой») пограничных диалектах. Укажем, что аналогичный перфект с вспомогательным ‘иметь’, но со страдательным причастием представлен не только в современном польском языке (*mam zdane wszystkie egzaminy* ‘у меня сданы все экзамены’ [Piskorz et al. 2013]), но и на периферии славянского мира — в македонском (*има дојдено*).

В статье «On the problem of syntactic synonyms in a local dialect system» Н. В. Маркова исследует (на материале заонежского говора) редкий вариант северного перфекта на *-но* / *-то* с возвратным постфиксом (*-нось* / *-тось*: *Было устроенось на работу*) — как известно, задействованные в перфектных конструкциях причастия (как страдательные, так и действительные на *-иши*) обычно утрачивают возвратность. Есть даже любопытные, уникальные для Заонежья, варианты с исходом, омонимичным исходу отадъективных существительных (*-нось*: *У нее выученось на бухгалтера*; *У них разожденось*; отмечен также вариант с дативным субъектом: *Мне прописанось у детей*). Является ли это явление чисто фонетической гиперкоррекцией или сходство с отадъективными существительными не случайно семантически (ср. книжное по происхождению в стандартном языке: *У нас была договоренность*)? Возможно, два объяснения дополняют друг друга.

Дж. Лавайн, представивший для сборника статью «Remarks on object case in the North Russian perfect», изучает в рамках генеративной парадигмы три типа кодирования актантов в конструкции на *-но* / *-то*. Объект может выражаться согласованным номинативом (*куплена корова* — как в литературном языке), несогласованным номинативом (*куплено корова*) и аккузативом (*куплено корову*; это последнее управление хорошо известно также в контексте субъектного имперсонала / имперсонального пассива в польском и украинском). В статье доказывается, что номинатив объекта связан со стратегией локального согласования с признаками функциональных вершин, а не с конфигурационной стратегией приписывания падежа. Привлекаются также литовские параллели, в частности эвиденциальные конструкции с генитивным подлежащим и конструкции типа *вода пить*. Автор отвергает гипотезу, согласно которой северный перфект представляет собой эргативную конструкцию (и применение так называемой «гипотезы неаккузативности» к этому материалу).

Чун Хакъюн — автор защищенной в Гарвардском университете в 2008 г. диссертации о северном перфекте — в работе «Conditioning factors in the development of the -vši perfect in West Russian» рассматривает обе формы перфекта, «активную» на *-иши* и «пассивную» на *-но* / *-то*. Очерчивая, как и С. К. Пожарицкая, их ареальную дистрибуцию, Чун специально останавливается на возникновении формы с *-иши*. С ее точки зрения, это происходит под косвенным балтийским и/или прибалтийско-финским контактным влиянием (гипотезе о прямом заимствовании мешает значительная временная дистанция) в рамках полной

перестройки славянской временной системы в XIII—XIV вв. (традиционно возникновение конструкции датируется XVI в., продуктивность ее — только XIX в.). Вероятным источником перфекта на *-вши* следует считать древнерусские причастия, демонстрировавшие большую степень синтаксической самостоятельности, чем современные деепричастия (союзное сочинение с финитным глаголом, конструкция *nominativus absolutus*). От конструкции книжного происхождения типа *бѣ оуча* (восходящей через греческий к древнееврейскому, см. [Живов 2012]) надо отличать имеющую, по-видимому, прямое отношение к нашей теме редчайшую плюсквамперфектную конструкцию с причастием совершенного вида, цитируемую автором: *и в то время вшедѣ блше бѣсъ [въ]*³ *Перуна и нача кричати* (Новг. II лет.). Можно добавить (ведь Новгородская вторая летопись составлена лишь в конце XVI в.) и гораздо более ранний пример из Синодального списка Новгородской первой летописи под 1268 г., на который нам указал П. В. Петрухин: *И ту наѣхаша нещери непроходну, в неиже блше множество Чюди влѣзше*. Чун Хакъюн предлагает фонетическое объяснение возникновения перфектной формы на *-вши* — совпадение (белорусского и украинского типа, известное также на западнорусской территории) окончания претерита (*-ль > -ѹ*) и причастия (*-въ > -ѹ*). В этих условиях окончание *-ши* (исторически женского рода) позволяет избежать омонимии причастного перфекта и простого прошедшего. В этой связи интересно наличие в ряде говоров переосмысленного варианта перфекта на *-л-ши*.

Раздел «Другие категории» открывается еще одной работой С. К. Пожарицкой «Конструкции с глаголом *быть* (*был, была, было, были*) в одном севернорусском говоре: к вопросу о плюсквамперфекте» посвященной давно занимающей ее (и рецензента) теме — русской диалектной конструкции с элементом *был- + л-претерит*, активно функционирующей в современных северных говорах, в том числе в речи молодого поколения (например, *Я уехал был в Ильинск и жил на свою стипендию*; комментарий информанта: *Я же потом приехал*). Можно ли называть ее «плюсквамперфектом» — так же, как древнерусскую форму, продолжением которой она (по крайней мере отчасти) является? Особо обсуждается вопрос существования омонимичной конструкции, содержащей два независимых «просодически дискретных» предиката, соединенных бессоюзно (*бабка у ее была, [которая] знала*); о схожих явлениях в русской (ориентированной на стандарт) разговорной речи нам приходилось писать [Сичинава 2013: 273—280]. Что касается собственно конструкции, восходящей к древнерусской, то функция таксиса — предшествования в прошедшем — у диалектной формы в значительной степени утрачена (как и у сохраняющейся в литературном языке конструкции *пошел было*)⁴. Автор выделяет «новые» функции диалектной формы: дискурсивное выделение того или иного события в прошлом; отнесение ситуации в прошлом (особенно хабитуальной) в замкнутый временной интервал (что хорошо известно у плюсквамперфектных форм типологически, ср. [Dahl 1985; Squartini 1999] и др.)⁵. Пожарицкая считает, что сохранение или утрата согласования элемента *был-* не коррелирует с семантикой — в отличие, в частности, от достаточно искусственного построения С. Менгель [2007].

³ Автор не принимает этой конъектуры издателей XIX в. и переводит ‘Perun’s demon’; это сомнительно как семантически (идея об «отдельном» бese каждого идола; непонятно, куда же этот «Перунов бес» «входит»), так и грамматически, хотя генитив принадлежности в конце XVI в. уже возможен.

⁴ Отдельный вопрос — была ли эта таксисная функция собственно в древнерусском у формы *быль + -ль* (так называемой «сверхсложной») и можно ли, соответственно, говорить об ее утрате. Ср. подводящую итог долгой полемики статью [Шевелева 2015] (и ссылки в этой статье на предыдущие работы).

⁵ С нашей точки зрения, сюда фактически относится и значительная часть примеров, рассматриваемых С. К. Пожарицкой в разделе «Высказывания с двумя предикатами» как таксисные или прагматически маркированные, однако обсуждение конкретных контекстов выходит за рамки настоящей рецензии.

М. Пост в работе «Connectives, subordination and information structure: Comments on Trubinskij's observations on the “-to ... *dak*” model in the Pinega dialects» возвращается к исследованным В. И. Трубинским [1970; 1984] конструкциям с двумя характерными для Севера частицами: *-то* и *дак* (*Через рыб-то-завод, дак долго итти нать [=надоть]*). С ее точки зрения, *дак* (и постпозитивное *да*, известное еще берестяным грамотам) — прагматическая дискурсивная частица, маркирующая асимметрию между двумя информационными единицами (одна из которых может быть выражена имплицитно). Ее функция, вопреки идее Трубинского, не сводится к обозначению синтаксического подчинения (которое является лишь частным случаем такой асимметрии). В то же время частица *-то* факультативно может маркировать ту информационную единицу, от которой зависит другая.

Статья **И. А. Сержанта** «The independent partitive genitive in North Russian» по объему, теоретической фундированности и детальной проработке нескольких корпусов диалектных текстов приближается к небольшой монографии. Автор сближает так называемый партитивный генитив (чьи функции семантически не ограничиваются собственно партитивом, ср. *головой поподнял маленько и упал, прижал своей Ирины*) в русских диалектах с соответствующей формой в прибалтийско-финских языках. Как и там, падежная форма зависимого существительного влияет на аспектуальную интерпретацию глагола, причем она зависит от акциональных свойств лексемы. Партитивный генитив интерпретирует предикат как делимитативный (см. также [Tatevosov, Ivanov 2009]) и часто сочетается с делимитативным превербом *по-* (*ног погрели*). Так называемые accomplishments (предельные процессы) с партитивным дополнением регулярно дают семантику ограничения срединной фазы, до наступления результата (*отворить дверей*), а achievements (событийные предикаты) — напротив, семантику ограничения последстий ситуации (известные контексты «одоления» типа *дай ножа*). Кроме того, в статье обсуждаются связанные с генитивом проблемы согласования, а также иные функции формы родительного падежа, реализация которых отличается от таковой в стандартном языке (дополнение при отрицании, одушевленный аккумулятив).

Раздел «Историческая диалектология» состоит, как уже было сказано, из единственной статьи **Е. А. Галинской** «К проблеме отражения цоканья в памятниках русской деловой письменности XVI—XVII веков». Обнаруживается парадокс: деловые документы, созданные на территориях, где цоканье хорошо известно в наше время и заведомо существовало в среднерусский период, практически не отражают этого явления. Например, если бы не бесценный словарь-разговорник Тённиса Фенне, составленный в Пскове в 1607 г. и почти последовательно передающий **с* и **щ* одинаково как *tz*, мы так и не узнали бы, существовало ли в этом городе в начале XVII в. цоканье; русские челобитные и отказные книги распределяют *ц* и *ч* этимологически безупречно, кроме разве что некоторых неясных топонимов. С точки зрения автора, писцы руководствовались жесткими орфографическими правилами, позволяющими им скрывать свои диалектные черты. В свое время такие правила для новгородских книжников древнейшего периода сформулировал В. М. Живов [1984]; Е. А. Галинская предлагает иные правила, основанные на классификации лексики, реально встречающейся в деловой письменности (словарное разнообразие которой не слишком велико).

Заключительный «белорусский» раздел состоит из двух публикаций польских славистов. Статья **М. Янковяка** «Belarusian dialects in Latvian Latgale — transitional or mixed?», основанная на детальном изучении диалектных фактов, имеет и теоретическое значение: она посвящена уже упоминавшимся понятиям «переходных» и «смешанных» говоров на примере белорусских говоров Латгалии (находящихся на пограничье белорусской и собственно великорусской зон). Анализируются различные критерии «смешанности» — генетическая близость, билингвизм, престижность, одновременная реализация различных черт в соответствии с системами различных языков / групп говоров и др. Автор проводит подробный количественный анализ говоров с точки зрения нескольких фонетических и лексических параметров.

В статье **А. Жебровской** «Социолингвистическая ситуация в Мядельщине на примере д. Комарово» демонстрируется, с многочисленными примерами, ситуация языкового перехода в изначально белорусскоязычной пограничной деревне (40 км от границы с Литвой). Как повсюду в стране (да и за ее пределами, например, как показывает предыдущая статья, в Латвии), белорусские говоры под влиянием русифицированных городов у стремящегося к урбанизации молодого поколения замещаются русским языком, иногда с местными фонетическими особенностями. Деревенский говор подвергается социальной стигматизации, а литературный белорусский, который преподается в школе, ощущается как чужой и ненужный практически. Специфика деревни Комарово заключается в существовании некоторого польского влияния, особенно у людей старшего поколения; дело в том, что белорусы католического вероисповедания во многих регионах страны автоматически считаются «поляками» и являются носителями некоторых элементов польской идентичности и языка (в основном в культовой сфере).

В целом рецензируемый сборник представляет собой весьма удачный образец применения современного лингвистического аппарата и методов ареальной лингвистики в диалектологии. Для исследователей северного перфекта и языка славянско-балтийского пограничья книга является незаменимым пособием. Надеемся, что контакт диалектологии с лингвистической теорией будет взаимно обогащать обе дисциплины — как это бывает и при ареальных контактах языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Живов 1984 — Живов В. М. Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI—XIII века // *Russian Linguistics*. 1984. Vol. 10. Pp. 291—306. [Zhivov V. M. Rules and pronunciation in the 11—13 c. Russian Church Slavonic orthography. *Russian Linguistics*. 1984. Vol. 10. Pp. 291—306.]
- Живов 2012 — Живов В. М. Об употреблении одной книжной конструкции в памятниках восточнославянской письменности (глагол *быти* с причастием настоящего времени) // *Schnittpunkt Slavistik: Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag*. Teil 3. Podtergera I. (Hrsg.). Bonn: Bonn Univ. Press, 2012. Pp. 235—249. [Zhivov V. M. On the use of a bookish pattern in the East Slavic literary texts (the verb *byti* with present participle). *Schnittpunkt Slavistik: Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag*. Teil 3. Podtergera I. (Hrsg.). Bonn: Bonn Univ. Press, 2012. Pp. 235—249.]
- Менгель 2007 — Менгель С. Отражение протекания действия во времени в языке восточных славян // *Вопросы языкознания*. 2007. № 6. С. 14—31. [Mengel' S. The action in progress as expressed in the language of the Eastern Slavs. *Voprosy jazykoznanija*. 2007. No. 6. Pp. 14—31.]
- Недялков 1983 — Недялков В. П. (ред.). Типология результирующих конструкций. Л.: Наука, 1983. [Nedyalkov V. P. (ed.). *Tipologiya rezul'tativnykh konstruksii* [A typology of resultative structures]. Leningrad: Nauka, 1983.]
- Петрухин 2007 — Петрухин П. В. *Жили-были*: вопрос закрыт? // *Русский язык в научном освещении*. № 2 (14). С. 268—282. [Petrukhin P. V. *Zhili-byli*: is the issue closed? *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 2 (14). Pp. 268—282.]
- Сичинава 2013 — Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-ПРЕСС, 2013. [Sitchinava D. V. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt* [A typology of pluperfect. Slavic pluperfect]. Moscow: AST-PRESS, 2013.]
- Трубинский 1970 — Трубинский В. И. Об участии постпозитивной частицы *то* в построении сложного предложения (по материалам пинежских говоров) // *Севернорусские говоры*. Мещерский Н. А. (ред.). Л.: ЛГУ, 1970. С. 48—66. [Trubinskii V. I. On participation of the postpositive particle *to* in the complex sentence construction (based on the material of Pinega idioms). *Severnorusskie govory*. Meshcherskii N. A. (ed.). Leningrad: Leningrad State Univ., 1970. Pp. 48—66.]
- Трубинский 1984 — Трубинский В. И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л.: ЛГУ, 1984. [Trubinskii V. I. *Ocherki russkogo dialektного sintaksisa* [Essays on Russian dialectal syntax]. Leningrad: Leningrad State Univ., 1984.]
- Шевелева 2015 — Шевелева М. Н. Некоторые соображения по поводу книги Д. В. Сичинавы «Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект» (М., 2013) // *Русский язык в научном*

- освещении. № 2 (30). С. 181—210. [Sheveleva M. N. Some considerations concerning the book by D. V. Sitchinava "A typology of pluperfect. Slavic pluperfect". *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 2 (30). Pp. 181—210.]
- Шевельов 2002 — Шевельов Ю. В. Портрети українських мовознавців. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська Академія», 2002. [Shevel'ov Ju. V. *Portrety ukrai'ns'kyh movoznavciv* [The portraits of Ukrainian linguists]. Kyi'v: Vyd. dim «Kyjevo-Mogyljans'ka Akademiya», 2002.]
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Piskorz et al. 2013 — Piskorz J., Abraham W., Leiss E. Doppelter Grammatikalisierungszyklus und funktionale Universalgrammatik: Am Beispiel des analytischen Perfekts und des Präteritums in der Sprachgeschichte des Polnischen. *Die Welt der Slaven*. 2013. Vol. LVIII. Pp. 276—307.
- Squartini 1999 — Squartini M. On the semantics of the pluperfect: Evidence from Germanic and Romance. *Linguistic typology*. 1999. No. 3. Pp. 51—89.
- Tatevosov, Ivanov 2009 — Tatevosov S., Ivanov M. Event structure of non-culminating accomplishments. *Tense-Aspect-Mood systems cross-linguistically*. De Hoop H., Hogeweg L., Malchukov A. (eds.). Dordrecht: Springer, 2009. Pp. 81—130.

J. Marvan. Jazyk. Jeho český příběh: Prvních tisíc let 800—1800: Malý průvodce cestami české lingvoekologie. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2015. 456 s. ISBN 978-80-246-3034-2.

Андрей Иванович Изотов

Andrey I. Izotov

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Российская Федерация; a.i.izotov@mail.ru 119991, Russian Federation; a.i.izotov@mail.ru

Опубликованная в издательстве Карлова университета в Праге книга профессора Иржи Марвана (1936—2016) примечательна по целому ряду причин.

Во-первых, в ней предлагается вариант теории лингвистической экологии, отличный от ее классического варианта. Эпиграфом к книге служит тезис одного из пяти основателей Пражского лингвистического кружка Б. Трнки «Aby byl jazykový systém jazykem, nutno jej prožívat [= 'Чтобы языковая система была языком, она должна проживаться'. — А. И.]», сформулированный в одной из его статей военного периода [Trnka 1943] и созвучный с тезисом Эйнара Хаугена «Язык существует только в сознании говорящих на нем и функционирует только при взаимоотношениях с другими говорящими и с их социальным и природным окружением», см. [Naugen 1972]. Тем не менее И. Марван (четверть века преподававший в университетах США и Австралии, так что сомнений в его отличном владении английским быть не может), предпочитает по-иному расставлять акценты, переводя на английский язык данный эпиграф как «The language system is not a language unless it is empathized» (с. 437). Тем самым центральным понятием книги становится «языковая эмпатия», которую «собственник» языка (термин «носитель языка» представляется И. Марвану не вполне удачным) испытывает по отношению к своему языку, а те авторы, в сочинениях которых затрагиваются вопросы, так или иначе с данной «лингвистической эмпатией» связанные, рассматриваются как лингвоэкологи или протолингвоэкологи. Так, например, в качестве первого созданного на территории чешских земель протолингвоэкологического сочинения интерпретируется «Проглас» Константина (Кирилла) (с. 10). Для изложения своих взглядов, а также при анализе чешского филологического материала автор использует собственную тщательно продуманную и довольно сложную терминологию («Реестр предметов, понятий и идей» в конце книги занимает 18 страниц петита в две колонки, с. 402—419).

Во-вторых, в книге обосновывается оригинальная концепция чешского письменного языка, история которого начинается, по мнению И. Марвана, не с XIII в., как принято считать [Slovník 2002: 91], а с IX в., так как включает в себя также и то, что традиционно рассматривается как «старославянский период чешской книжности», см. название